

О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В УПОТРЕБЛЕНИИ ВЫРАЖЕНИЙ ПРИЗЫВА К СОВМЕСТНОМУ ДЕЙСТВИЮ В РУССКИХ ТЕКСТАХ ПОСЛЕДНИХ ДВУХ СТОЛЕТИЙ

Адриан Барентсен – Амстердамский университет

1 Вступительные замечания

При выражении говорящим призыва к совместному с адресатом действию наблюдаются значительные различия между языками. Используемые формальные средства нередко также сильно меняются в процессе исторического развития того или иного языка.

Как известно, в старославянском языке указанную функцию выполняли специализированные синтетические формы множественного и двойственного числа, которые не только по функционально-семантическим, но и по формальным соображениям (общность происхождения формальных показателей) включаются в парадигму повелительного наклонения. В древнегреческом и латинском языках им соответствуют формы сослагательного наклонения, т.е. другого, но в функциональном плане близкого косвенного наклонения. Данные соответствия иллюстрируем следующими примерами из Евангелия от Марка. Приводим соответственно греческий оригинал, латинский перевод (Вульгата), старославянский перевод (Мариинское евангелие в кириллической транслитерации) и перевод на русский язык (синодальный перевод):

- (1) **Διέλθωμεν εἰς τὸ πέραν** (4:35);
Transeamus contra;
прѣидѣмъ на онъ полъ;
Переправимся на ту сторону.

- (2) δεῦτε ἀποκτείνωμεν αὐτόν (12:7);
 Venite **occidamus** eum;
 придѣте **оубиѣмъ** ѿ;
 Пойдем, **убьем** его.

Бросается в глаза, что формы, употребляющиеся в русском переводе, формально не отличаются от форм изъявительного наклонения, которые обычно употребляются для обозначения будущих действий. Подобное формальное совпадение синтетических форм двух наклонений наблюдается уже в памятниках русского языка XII–XIII вв. (Белоусов 1978: 102), и в современном языке оно распространилось на все глаголы.¹ В этом отношении современный русский язык заметно отличается от большинства других славянских языков, где в указанной функции последовательно употребляются синтетические или аналитические формы, формально отличающиеся от форм индикатива. Для сравнения приводим переводы вышеуказанных двух фрагментов на украинский, польский, чешский, сербский и болгарский языки:

- (1') **Переплиньмо** на той бік;
Przeprawmy się na drugą stronę;
Přeplavme se na druhou stranu jezera;
Пређимо на другу страну;
Да минем на отвѣдната страна.
- (2') **Ходім, замордуймо** його;
Chodźcie, zabijmy go;
Zabijme ho;
Хајде да га убијемо;
Елате да го убием.

В отличие от приведенных выше форм старославянского языка, синтетические формы современных славянских языков являются более прозрачными – они явно образованы от форм единственного числа повелительного наклонения (по модели образования форм второго лица множественного числа).

Аналитические конструкции имеют определенное сходство с приведен-

ными выше русскими переводами, поскольку в них употребляются формы презенса изъявительного наклонения. Однако в отличие от русских форм, в указанных аналитических образованиях значение побудительности эксплицитно сигнализируется частицей *да*. Как иллюстрируют сербский и болгарский варианты в фрагментах 2', сочетаниям с частицей *да* может предшествовать дополнительный элемент с общим побудительным значением, соответственно *хajде* и *ела(те)*.

В современном русском языке с указанными аналитическими формами можно сравнить сочетания с частицами *давай* или *давайте*.² Именно они представлены в переводе Международного библейского общества:

- (1") **Давайте переправимся** на другую сторону озера;
- (2") **Давайте убьем** его.

Когда основной глагол относится к несовершенному виду, в функционально соответствующих сочетаниях встречается либо инфинитив, либо будущее сложное, ср.:

- (3) Спать тебе нельзя. **Давай** о чем-нибудь **говорить** (Незнанский);
- (4) **Давайте будем говорить** о коррупции (Маринина).

В современной грамматической литературе признается систематический характер всех сочетаний, указанных в примерах 1"—4 и они справедливо характеризуются как особые, аналитические формы совместного действия (напр.: Храковский и Володин 1986: 123; Храковский 1990: 191).

Благодаря присутствию данных аналитических форм предложения 1" и 2" совершенно недвусмысленно выражают значение побудительности. Этого нельзя сказать о русских предложениях типа 1 и 2. Формальная характеристика побудительности является в них весьма слабой и состоит главным образом из отсутствия местоимения *мы* (Исаченко 1957: 8). Однако, как известно, местоимение нередко опускается также в предложениях с явным значением изъявительного наклонения.³ Таким образом, чтобы получить

интерпретацию побудительности, русские предложения типа 1 и 2 нуждаются в достаточно сильной контекстуальной поддержке, и в ряде случаев интерпретация предложений с подобными формами может оставаться довольно неопределенной. На это указывает и А.В. Бондарко: “Формы типа *сядем, будем решать* не всегда достаточно четко отличаются от форм настоящего-будущего совершенного и соответственно будущего несовершенного. Иногда контекст допускает двоякое толкование, при этом остается неясной интонация” (Бондарко и Буланин 1967: 123).

Стремление языка к созданию недвусмысленных форм для выражения побуждения к совместному действию следует считать вполне естественным. Поэтому, казалось бы, возникновение аналитических форм с частицей *давай/те* можно было бы только приветствовать. Однако до сравнительно недавнего времени русская нормативная грамматика отрицательно относилась к употреблению таких форм. Негативную оценку получали в особенности сочетания частицы *давай/те* с личными формами (настоящего-) будущего. Еще в середине прошлого столетия им приписывался просторечный характер (напр.: Гвоздев 1952: 152).⁴ Как нам представляется, по отношению к русскому языку наших дней такую характеристику нельзя считать правильной. Нетрудно заметить, что данные формы широко употребляются в современных русских текстах разных жанров. Они встречаются и во вполне цивилизованных дискуссиях, как демонстрируют следующие примеры из “Уппсальского корпуса”:

- (5) Но **давайте рассмотрим** темпы распространения инфекции;
- (6) Сначала **давайте решим**, какие навыки, знания и умения должен иметь выпускник;
- (7) Семья – народ – человечество – **давайте возьмем** эту диалектическую цепочку в качестве девиза.

На несостоятельность отмеченной стилистической оценки уже в 1960 году указывал А.В. Исаченко: “Эти формы, свойственные (как и всякие другие формы императива), прежде всего, диалогической речи, имеют от-

тенок непринужденности, но о «нарушении» литературной нормы здесь говорить не приходится» (1960: 489). Можно предположить, что в данной области грамматического строя русского языка произошли определенные изменения, которые вовремя не были учтены «законодателями» нормативной грамматики. Для подтверждения правильности такой гипотезы следовало бы иметь конкретные данные о реальном употреблении этих форм разными писателями в разные периоды современного русского языка. Однако, насколько нам известно, такие данные пока отсутствуют, что значительно затрудняет дискуссию о статусе обсуждаемых форм.

В данной статье делается попытка заполнить, хотя бы частично, этот пробел. Приводится ряд данных о встречаемости некоторых форм побуждения к совместному действию в довольно большом количестве текстового материала последних двух столетий. Как нам представляется, они действительно указывают на то, что в этот период произошел ряд интересных изменений в употреблении этих форм.

2 Рассматриваемые формы

Ниже в основном приводятся данные о встречаемости формально характеризованных форм.

Главное внимание направлено на аналитические формы с частицей *давай/те*, примеры которых приведены выше (1", 2", 3–7). Однако рассматриваются также другие образования, которые можно отнести к формам, где семантика побудительности выражена формально. Речь идет о формах с «постфиксом» *-те* и о формах с побудительной частицей *-ка*, т.е. о формах типа *пойдемте* и *пойдем-ка*.

Как известно, основная функция постфикса *-те* в данных образованиях – выражение «множественности» адресата. Это значит, что адресат состоит более чем из одного лица или, при единичном адресате, что отношение к нему говорящего предполагает множественное число как «форму вежливости».⁵ Однако вместе с тем постфикс *-те* сигнализирует еще и побуди-

тельность, поскольку присоединение данного постфикса к уже “готовой” исходной форме возможно только в тех случаях, когда последняя выражает призывную побудительность.⁶ Таким образом формы типа *пойдемте*, в отличие от форм типа *пойдем*, безусловно относятся к эксплицитным выражениям побудительности.⁷ Примером употребления такой формы является следующее предложение:

- (8) Господа, **пройдемте** на террасу, я вижу, готов стол (Семенов).

Ввиду указанного различия между формами типа *пойдем* и *пойдемте*, можно было бы ожидать широкое употребление последних. Однако, как указывает А.В. Бондарко, данные формы “употребительны далеко не от всех глаголов” (Бондарко и Буланин 1967: 123). Поэтому представляется целесообразным проследить возможные изменения в употребительности форм на *-те* за последние два столетия.

Эксплицитное выражение побудительности посредством частицы *-ка* общеизвестно и не требует особого комментария.⁸ Ниже рассматривается, насколько значима роль данной частицы при выражении побуждения к совместному действию, т.е. в предложениях следующего типа:

- (9) **Пойдем-ка** спать, Димуля. В постели лучше думается (Маринина).

Как известно, в побудительных высказываниях современного разговорного языка вместо форм *пойдем(те)*, *идем(те)*, *поедем(те)* широко употребляются формы *пошли* и *поехали*.⁹

- (10) Шаблинский встал и говорит: – **Поехали** в Таллинн.
– Поедем, – говорю (Довлатов).

Чтобы получить впечатление о времени возникновения такого употребления, при анализе текстов и эти формы принимались во внимание.

3 “Основной сравнительный корпус” и другой исследуемый материал

Интересующие нас формы были собраны при помощи компьютерного

поиска в электронных вариантах русских текстов последних двух столетий. Чтобы проследить изменения во встречаемости форм в течение этого времени, нами был составлен “Основной сравнительный корпус”. Он состоит из четырех равных по объему частей. Каждая из этих частей покрывает период в 50 лет, от первой половины XIX в. (XIX-1) до второй половины XX в. (XX-2).

Тексты в основном относятся к повествовательной прозе: романы, повести, рассказы и мемуары. Среди них также есть несколько драматических произведений.

В идеале, подмножества сравнительного корпуса должны были бы иметь по возможности гомогенную структуру – по представленным жанрам, количеству авторов, объему текстов и т.д.¹⁰ Следует иметь в виду, что по ряду причин наш корпус довольно далек от этого идеала. Прежде всего это связано с тем, что пока еще не все желаемые тексты, особенно более ранние, существуют в электронном виде. Этот фактор и определил объем частей нашего корпуса – поскольку текстов, относящихся к первой половине XIX в., имеется меньше всего, мы были обязаны ориентироваться именно на объем этой части (XIX-1), отбирая тексты других периодов.

При включении туда всех доступных нам текстов прозаических и драматических произведений данного периода собралось подмножество почти в полтора миллиона словоупотреблений. Это соответствует примерно 5 тысячам книгопечатных страниц. В данной части корпуса представлены произведения 26 разных авторов. Однако, к сожалению, они представлены весьма неравномерно: четверо из них (Гоголь, Нарезный, Бестужев и Загоскин) занимают уже половину объема этой части корпуса. С другой стороны, тексты 15 других авторов занимают в среднем примерно только по 1%.¹¹

При создании подмножеств других периодов существовал бóльший выбор. Здесь мы стремились к тому, чтобы общий объем каждого из них был как можно ближе к объему части XIX-1 и чтобы в них было представлено как

можно больше разных авторов. По возможности, мы пытались избежать доминирования того или иного автора. В приложении к статье дается список всех авторов, входящих в четыре подмножества, в порядке убывающего объема и с указанием этого объема в процентах.

Кроме “Основного сравнительного корпуса” были использованы еще и другие собрания электронных текстов, которые в нашей статье играют роль “контрольных корпусов”. Они были составлены для каждого из трех последних периодов (т.е. XIX-2, XX-1 и XX-2). Каждый контрольный корпус состоит минимально из шести групп текстов примерно одинакового объема – по полмиллиона словоупотреблений в каждой. В каждой такой группе представлен только один автор. Из текстов некоторых авторов, очень широко представленных в электронном виде, удалось сформировать две такие группы (из текстов Достоевского даже три!). Сравнение встречаемости обсуждаемых форм в разных таких группах одного периода дает некоторое представление о различиях в пределах такого периода и об индивидуальных особенностях отдельных авторов. Таким образом это сравнение дает представление о том, насколько цифровые данные, которые приводятся в нашей статье, реально отражают изменения в тенденциях употребления исследуемых конструкций. Ведь следует иметь в виду, что встречаемость форм побуждения к совместному действию в произведениях конкретного автора до определенной степени может носить случайный характер. Это, например, связано с тем, что “природной средой” таких форм является диалогическая речь, которая не у всех авторов и не во всех текстах представлена одинаково.

Ввиду большого количества доступных электронных текстов, относящихся ко второй половине XX в., нам представилось целесообразным рассмотреть распределение исследуемых форм еще и в более объемном корпусе. Для этой цели был составлен корпус “Русский детектив”. Выбор жанра мотивирован тем соображением, что в подобных текстах обычно хорошо представлена диалогическая речь. Данный корпус содержит около 6 мил-

лионов словоупотреблений, т.е. он примерно в четыре раза больше, чем часть XX-2 “Основного сравнительного корпуса”.¹² В данный корпус входят тексты 30 разных авторов. Список этих авторов дается в приложении.

4 Общие данные, полученные из “Основного сравнительного корпуса”

Распределение интересующих нас форм в разные периоды изображено на схеме 1.

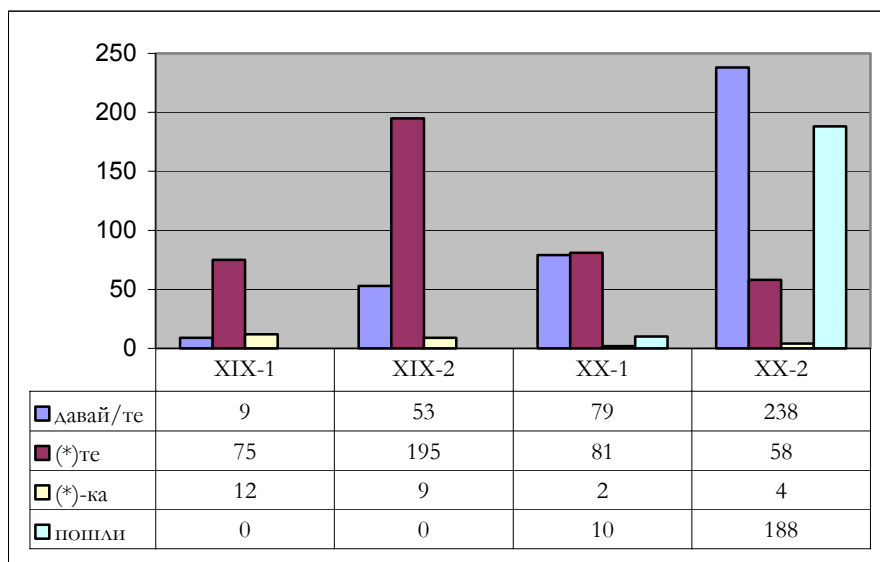

Схема 1. Распределение форм в разные периоды.

Для каждого периода указано количество случаев рассматриваемых форм в следующем порядке: аналитические формы с частицей *давай/те*, формы первого лица множественного числа с постфиксом *-те* (типа *идемте, пойдёмте*), формы первого лица множественного числа с частицей *-ка* (типа *пойдем-ка*), и формы *пошли* и *поехали* в функции побуждения к совместному действию.¹³

При рассмотрении данных, изображенных на схеме 1, прежде всего бро-

сается в глаза стремительный рост в употреблении конструкции с частицей *давай/те*. Это привело к весьма значительному контрасту между первой половиной XIX в. и второй половиной XX в. Приведенные данные подтверждают то ощущение, что данная функция частицы *давай/те* твердо вошла в язык наших дней. В следующем параграфе эти формы будут рассмотрены более подробно. Там же остановимся на некоторых интересных различиях, связанных с видом основного глагола.

Стремительное развитие наблюдается также при употреблении форм прошедшего времени *пошли* и *поехали* в функции побуждения к совместному действию (в таблице “пошли” представляет обе формы). Однако здесь развитие начинается позже: в начале XX в. данная функция еще только слабо представлена, а в исследованных нами текстах XIX в. она полностью отсутствует.¹⁴

Таблица показывает, что во всех четырех рассмотренных периодах, в особенности в последних двух, употребление частицы *-ка* в качестве эксплицитного показателя побуждения к совместному действию является довольно скромным. Не исключено, что тот факт, что в исследованных текстах XIX в. эти формы встречаются чаще, чем в более поздних текстах, не случаен. Поскольку в более ранние периоды частица *давай/те* использовалась в подобной функции значительно реже, чем сейчас, роль частицы *-ка* в качестве недвусмысленного указателя значения побудительности могла, в принципе, быть тогда более значительной. Другое объяснение отмеченного различия может быть найдено в том факте, что общее количество случаев употребления частицы *-ка* (т.е. и у форм второго лица императива и т.д.) в XIX-1 также превышает то, что мы нашли в XX-2, соответственно: 286 случаев (из них 19 *ну-ка*) и 207 (из них 71 *ну-ка*). Однако, незначительное количество примеров, в которых побуждение к совместному действию выражено исключительно частицей *-ка*, заставляет нас отказаться от каких-либо твердых выводов об изменениях в этой области.

Своеобразную картину представляют собой данные об употреблении пост-

фикса *-те*. Сильный рост во второй половине XIX в. идет на убыль в последующие периоды. Следует отметить, что на схеме изображено лишь общее количество данных словоформ. При более детальном рассмотрении наблюдаются также значительные изменения в количестве разных лексем, представленных в указанной словоформе. Об этом см. ниже пар. 7.

Поскольку общее количество рассматриваемых форм совместного действия в части XX-2 корпуса значительно больше, чем в XIX-1, может возникнуть вопрос, не указывает ли это на то, что исследуемые тексты по своему характеру слишком сильно расходятся, чтобы служить основой для сравнения. Можно было бы предположить, например, что в XIX-1 вообще меньше представлена диалогическая речь и, следовательно, также свойственные для нее выражения побудительности. Чтобы проверить этот фактор мы совершили подсчет “обычных” форм повелительного наклонения, т.е. форм 2-го лица. Результаты подсчета таковы:

Период	формы ед. ч.	формы мн. ч.	общее количество
XIX-1	6105	3675	9780
XX-2	7482	3182	10664

Оказывается, что различия в общем количестве достаточно незначительные: лишь около 10%. Мы принимаем этот факт как доказательство того, что материал “Основного сравнительного корпуса” является достаточно надежной основой для установления изменений в употребляемости форм, указанных на схеме 1. (О частице *-ки*, см. выше.)

5 Более подробно о формах с частицей *давай/те*

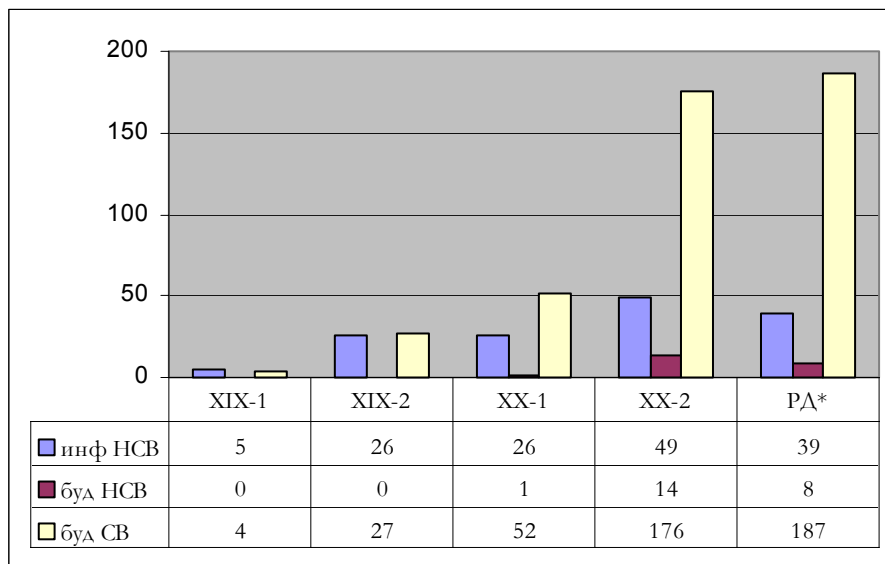
Нам представляется интересным рассмотреть распределение разных видовых вариантов этой аналитической формы. На схеме 2 отдельно указаны количества трех основных разновидностей, соответственно: с инфинитивом несовершенного вида, с личной формой будущего времени несовершенного вида и с личной формой настоящего-будущего совершен-

ного вида.¹⁵ Для сравнения, наряду с данными XX-2 “Основного сравнительного корпуса” приводятся данные из корпуса “Русский детектив” (РД), относящиеся к тому же периоду.

Из данных, представленных на схеме 2, вытекают два интересных факта:

- а) бурный рост конструкций с частицей *давай/те* относится в основном к сочетаниям с личными формами настоящего-будущего СВ;
- б) сочетания с личной формой будущего НСВ, по-видимому, следует считать новым явлением, относящимся в основном ко второй половине XX в.

Чтобы проверить, насколько реально соотношения, изображенные на схеме 2, отражают языковое состояние того или иного периода, целесообразно обратиться к данным из “контрольных корпусов”. Они изображены на схемах 3–5.

* Указанные цифры пересчитаны в масштабе основного корпуса.

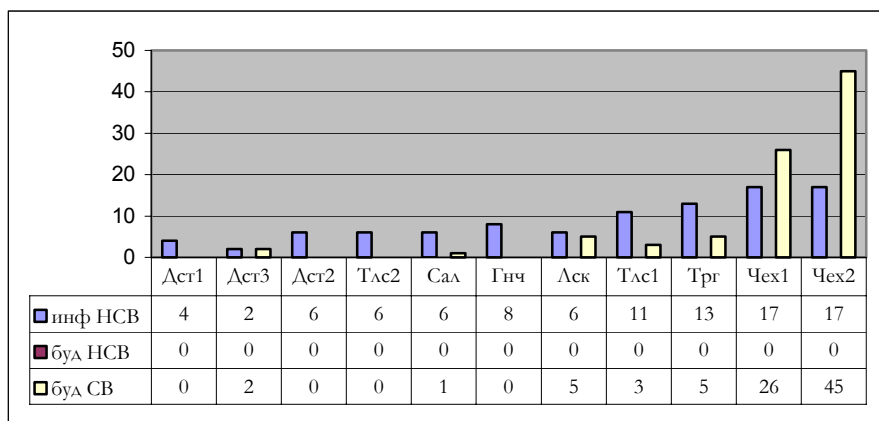
Схема 2. *Давай/те*. Видовые варианты в разные периоды.

Схемы 3–5 демонстрируют в основном следующее:

- а) Данные об авторах, представленных более одного раза, показывают, что между разными группами текстов одного и того же автора могут быть немалые различия. Особенно заметны различия в употреблении форм совершенного вида в двух группах текстов Чехова.¹⁶ Тем не менее, такие расхождения фактически не искажают общую характеристику определенного автора. В данном случае в обеих группах текстов Чехова сохраняется основное различие между этим автором и другими писателями XIX-2: у него количество сочетаний с личной формой совершенного вида заметно превышает количество форм с инфинитивом несовершенного вида. Впрочем, следует иметь в виду, что у писателей второй половины XX в., также представленных в двух группах (Стругацкие и Маринина), различия между разными группами текстов не так значительны. Скорее всего это связано с тем, что в данный период указанные формы уже прочно вошли в язык и часто употребляются.
- б) Несмотря на то, что определенные авторы относятся примерно к одному периоду, между ними могут наблюдаться значительные различия в степени употребления данной формы. Однако, если отвлечься от представителей крайних тенденций, данные остальных, “средних” авторов неплохо соответствуют картине, представленной на общей схеме 2.

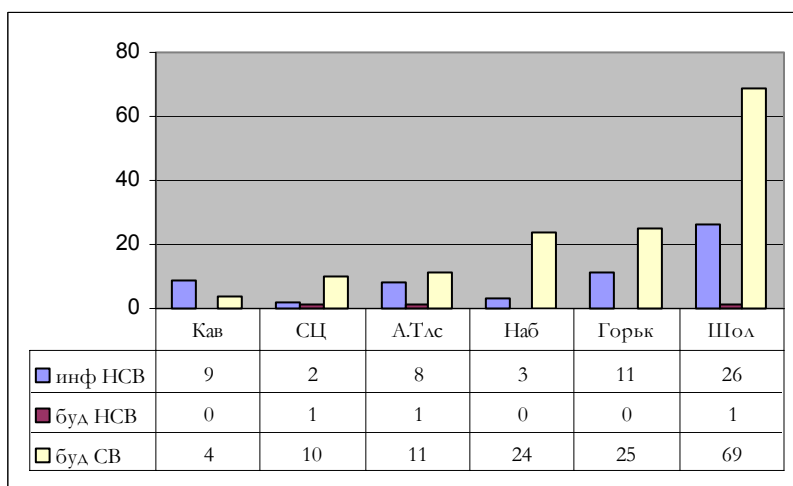
Важным исключением из сказанного в предыдущем пункте является соотношение между видовыми разновидностями в XIX-2 второй схемы.

Как демонстрирует схема 3, для большинства классических авторов данного периода характерно, что количество случаев с личной формой настоящего-будущего СВ намного ниже, чем количество примеров с формой инфинитива. Тем не менее, на схеме 2 оба столбца фактически равны. При дальнейшем рассмотрении обнаружилось, что здесь слишком сильно сказываются особенности всего лишь двух определенных авторов: Чехова и Лескова. Для более верного изображения общего положения дел

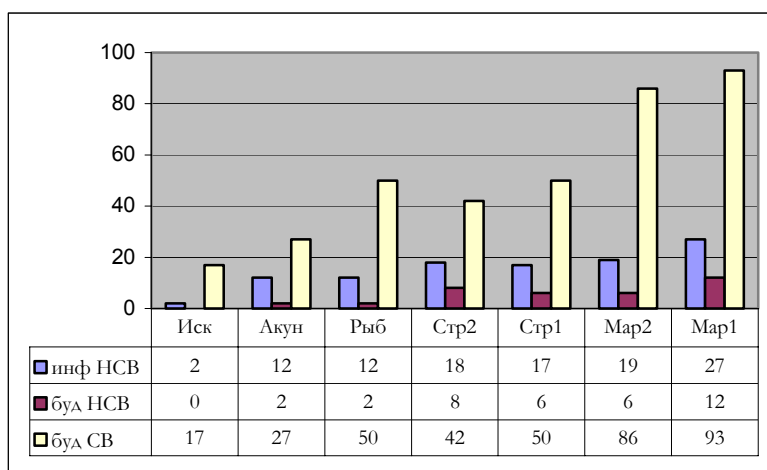
(Гнч - Гончаров, Дст - Достоевский, Лск - Лесков, Сал - Салтыков-Щедрин, Тлс - Толстой, Трг - Тургенев, Чех - Чехов)

Схема 3. *Давай/те* в контрольном корпусе XIX-2.

(А.Тлс - Алексей Толстой, Горьк - Горький, Кав - Каверин, Наб - Набоков, СЦ - Сергеев-Ценский, Шол - Шолохов)

Схема 4. *Давай/те* в контрольном корпусе XX-1.

(Акун - Акунин, Иск - Искандер, Мар - Маринина, Рыб - Рыбаков, Стр - Струтацкие)

Схема 5. *Давай/те* в контрольном корпусе XX-2.

во второй половине XIX в. правый (белый) столбец части XIX-2 следовало бы довольно сильно уменьшить. Таким образом получается более верная картина: в XIX в. преобладают формы с инфинитивом НСВ, а в XX в. сочетания с личными формами настоящего-будущего СВ.

Контрольный корпус XIX-2 подтверждает отсутствие конструкции с личной формой будущего НСВ (*давайте будем считать*) в начальный период развития рассматриваемых аналитических форм. Напрашивается вывод, что употребление отмеченной конструкции является довольно поздним развитием. Скорее всего, эта форма возникла по аналогии с конструкцией, содержащей личную форму настоящего-будущего СВ (*давайте скажем*), но только после того, как последняя конструкция получила широкое распространение (т.е. ко второй половине XX в.).

Из сказанного выше следует, что конструкцию с инфинитивом НСВ нельзя рассматривать как упрощенный вариант предполагаемой изначальной

конструкции с будущим сложным НСВ. По-видимому, именно конструкция с инфинитивом появилась раньше всех. По всей вероятности, здесь речь идет об определенном расширении и переосмыслении употребления сочетания частицы *давай* с инфинитивом НСВ для обозначения внезапного и энергичного приступа к действию. Такое употребление данного сочетания широко представлено в текстах XIX-1 “Основного сравнительного корпуса”.¹⁷ Оно продолжает существовать в языке наших дней. Примеры:

- (11) [...] пламя вспыхнуло, бедная тетка, перепутавшись, **давай сбрасывать** с себя, при всех, платье [...] (Гоголь);
- (12) Он взбесился и, несмотря на страшную особу Антиния, поднял лежавшие четки моей матери и **давай крестить** праведного по чему ни попало (Нарежный);
- (13) Схватила я кастаньеты – и **давай** перед ними **петь и плясать**, как на концерте [...] (Вишневская).

6 Коротко о различных формах несовершенного вида

Ввиду ограниченного количества примеров с формой будущего несовершенного (*давайте будем говорить*) трудно дать им удовлетворительную характеристику и установить, существует ли семантическое противопоставление этих форм с другими формами несовершенного вида, включающими только инфинитив (*давайте говорить*, ср. примеры 3 и 4 в начале статьи).

По-видимому, предпочитается форма будущего времени с глаголом *быть*, как в функции полнозначного глагола, так и в функции глагола-связки:¹⁸

- (14) Давай, **давай** всю нашу жизнь **будем вместе!** (Ерофеев);
- (15) **Давай, будем друзьями**, ладно? (Аксенов).

Единственный пример с формой будущего несовершенного вида, который был найден в XX-1 нашего основного корпуса, содержит отрицание:

- (16) – **Давайте не будем рыдать**, гражданка, спокойно сказал первый (Булгаков).¹⁹

Примеры с отрицанием из части XX-2:

- (17) **Давайте не будем жаловаться!..** (Стругацкие);
- (18) По-моему, это не очень интересно. **Давайте не будем это вклю-
чать** (Маринина);
- (19) Не беспокойся, не заболею, **давай не будем!** Поговорим в другой раз (Вампилов).

Интересно отметить, что из 14 примеров XX-2 только 4 содержат отрицание. Это противоречит тому ощущению, что случаи с отрицанием являются как раз самыми обычными. Здесь, скорее всего, сказывается опять некоторый элемент случайности, который при малом количестве примеров может исказить картину, особенно когда существуют довольно большие индивидуальные различия у рассматриваемых авторов (ср. выше пар. 5, после пункта б). Именно такие различия были обнаружены при рассмотрении контрольного корпуса XX-2 у авторов, которые чаще всех употребляют форму будущего несовершенного вида. Все 14 примеров из работ Стругацких содержат отрицание, и только у Марининой преобладает неотрицательный вариант: 13 из 18 примеров. Вот некоторые неотрицательные примеры последнего автора:

- (20) Поэтому **давайте будем соблюдать** правила игры (Маринина);
- (21) [...] если тебе хочется со мной про книги разговаривать, то **давай
будем** по телефону **общаться** (Маринина).

При рассмотрении всех имеющихся у нас примеров, относящихся ко второй половине XX в. оказалось, что отрицательные случаи все же преобладают, хотя и не так значительно, как можно было бы ожидать (49 отрицательных на 33 неотрицательных).

7 О форме с постфиксом -те

Схема 1 показывает, что периодом расцвета употребления данной формы безусловно является вторая половина XIX в. Более детальные данные об

этом периоде можно извлечь из соответствующего контрольного корпуса. Эти данные представлены на нижеприведенной схеме 6. Соответственно указывается количество трех основных разновидностей: простая форма несовершенного вида (типа *идемте*, *едемте*), форма будущего НСВ (типа *будемте говорить*) и форма настоящего-будущего СВ (типа *пойдемте*). Далее у каждого автора указывается количество разных глаголов, встречающихся в этой форме:

Из этих данных выходит, что формы несовершенного вида, такие как *идемте* и *будемте говорить*, в указанный период встречаются редко. При дальнейшем рассмотрении материала бросается в глаза крайняя лексическая ограниченность первого типа. Во всех рассмотренных нами текстах XIX в. найдены только формы *идемте* и *едемте*. Такая ограниченность характерна и для более современных текстов. Во всех рассмотренных текстах XX в. мы кроме этих двух форм нашли всего один пример с другим глаголом аналогичного типа:

- (22) – Довольно, довольно лизаться, – проворчал Буратино, – **бежимте**.
Артемона потащим за хвост (Алексей Толстой).

Интересно отметить, что в текстах XIX в. форма *едемте* встречается чаще, чем форма *идемте*: 19 на 12 случаев. Однако для текстов XX в. характерен сильный перевес в употреблении именно последней формы. В части XX-2 основного корпуса все 14 примеров формы несовершенного вида с постфиксом *-те* содержат только форму *идемте*.²⁰

Как видно из данных, представленных на схеме 6, формы типа *будемте говорить* в XIX в. встречаются редко. Интересное исключение представляет собой Тургенев, но этот писатель вообще гораздо чаще всех других употребляет формы с постфиксом *-те*. В текстах XX в. форма будущего НСВ с постфиксом *-те* фактически отсутствует. Нами был найден всего один пример в произведениях Акунина:

- (23) И так, у нас две линии: двойной агент Диана или кто-то из мелкой сошки. **Будемте разрабатывать** обе. Вы выбираете Диану? (“Статский советник”).

Как уже отмечалось выше, данный автор стилизует свой язык под язык писателей XIX в. Таким образом этот пример можно даже принять как некоторое доказательство того, что рассматриваемая форма в современном языке уже не является живой формой, а воспринимается как относящаяся к более раннему этапу языка.

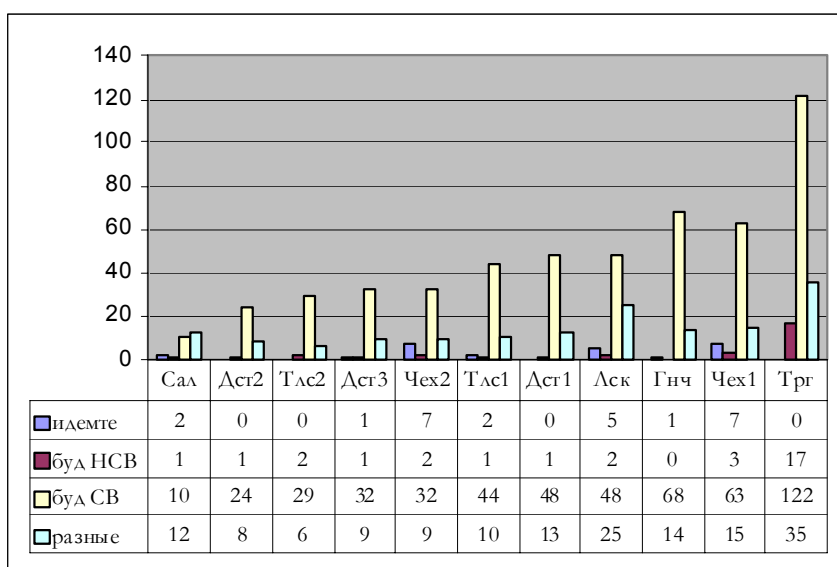

Схема 6. Постфикс *-те* в контрольном корпусе XIX-2.

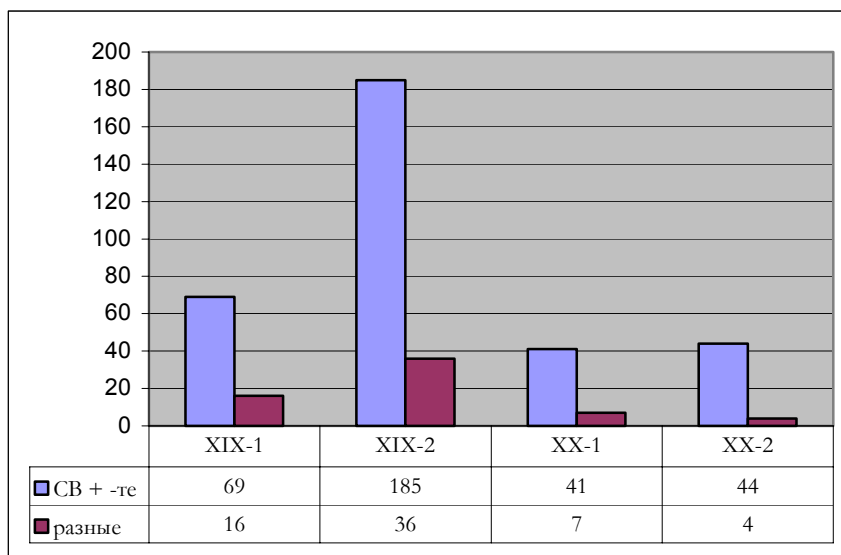
Из сравнения схем 1 и 6 становится ясным, что львиная доля форм с постфиксом *-те* приходится на глаголы совершенного вида. Схема 6 демонстрирует еще один очень важный фактор, а именно, что в данный период наблюдается достаточно большая лексическая вариация. Количество разных глаголов, которые употребляются в этой форме, даже у отдельно взятого автора может дойти до 35. Во всех рассмотренных текстах второй половины XIX в. (часть XIX-2 основного корпуса + соответствующий кон-

трольный корпус) насчитывается 78 разных глаголов совершенного вида. Они приводятся в следующей таблице:

бросить	напиться	познакомиться	провести
вернуться	начать	пойти	пройти
взойти	обратиться	покататься	прокатиться
взять	обсудить	помириться	проститься
возблагодарить	окончить	помолиться	распить
возвратиться	оставить	помянуть	расстаться
войти	остановиться	попробовать	сделать
воротиться	остаться	посидеть	сесть
воспарить	отложить	поскакать	скинуть
встать	отойти	послать	сойти
выйти	отправиться	послушать	сомкнуться
выпить	перейти	посмотреть	спеть
дойти	переменить	поспорить	стать
допировать	перестать	постараться	съездить
заехать	побежать	потолковать	съехать
заклЮчить	поболтать	походить	уйти
исповедовать	поговорить	поцеловаться	хлопнуть
кончить	подождать	предоставить	чокнуться
купить	подойти	присесть	
нанять	поехать	приступить	

Можно сделать вывод, что в рассматриваемый период формы совершенного вида с постфиксом *-те* являются достаточно продуктивными, хотя у разных авторов и наблюдаются довольно большие различия в частотности таких форм. Наиболее употребительными они являются у Тургенева, в языке которого продуктивность этого образования распространяется даже на формы будущего несовершенного вида.²¹

В указанном отношении вторая половина XIX в. заметно отличается от предыдущего, и особенно от последующих периодов. Это демонстрируется следующей схемой, на которой указаны общее количество форм с постфиксом *-те* в разные периоды и степень лексической вариации у данных глаголов:

Схема 7. Постфикс *-те* при СВ.

Данные, изображенные на этой схеме, демонстрируют, что после заметного роста употребительности и продуктивности данной формы в течение XIX в., она в языке XX в. фактически стала периферийной формой. При более детальном рассмотрении оказывается, что среди 4 разных глаголов, представленных в части XX-2 корпуса значительно преобладает глагол *пойти* (38 из 44 случаев, т.е. 86%). В более объемном корпусе “Русский детектив” находим такую же картину: всего 4 глагола, из которых *пойти* представлен в 87% случаев. Таким образом можно предположить, что данная форма фактически уже не являясь продуктивной, сильно лексикализовалась.

Чтобы как можно детальнее определить статус данных форм в языке наших дней, мы установили их встречаемость в других доступных нам литературных текстах второй половины XX в., а также в имеющихся у нас переводах с иностранных языков на современный русский язык. Таким образом был исследован текстовый массив объемом свыше 28 миллионов

словоупотреблений (т.е. больше 90 тысяч страниц). Найденные формы приводятся в следующей таблице, с указанием их количества в разных текстовых массивах:

Текстовый массив:	“Русский детектив”	Другие подлинные русские тексты	Переводы на русский язык	
Объем:	6 миллионов	12 миллионов	10 миллионов	
<i>пойдемте</i>	116	334	247	697
<i>пройдемте</i>	14	28	13	55
<i>поедемте</i>	2	14	8	24
<i>зайдемте</i>	2	8	7	17
<i>сойдемте</i>	0	0	2	2
<i>уйдемте</i>	0	0	2	2
<i>уедемте</i>	0	1	0	1
<i>подъедемте</i>	0	1	0	1
<i>войдемте</i>	0	0	1	1
<i>отойдемте</i>	0	0	1	1
<i>перейдемте</i>	0	0	1	1
<i>пройдемтесь</i>	0	0	1	1
<i>сядемте</i>	0	0	3	3
<i>выпьете</i>	0	1	0	1
<i>займетесь</i>	0	1	0	1
<i>положите</i>	0	1	0	1

Эти данные подтверждают вышесказанное: в подавляющем большинстве случаев (86%) встречается форма *пойдемте*. У второй по частотности формы *пройдемте*, процент встречаемости всего 7%.

Интересно отметить, что почти все глаголы в семантическом и словообразовательном плане очень близки к глаголу *пойти*. Они отличаются между собой только способом движения (*пойдемте* – *поедемте*) и/или более конкретным значением, связанным с заменой “инхоативной” приставки *по-* на ту или иную пространственную приставку (*пойдемте* – *пройдемте*). Глаголы других семантических классов, приведенные в нижней части

таблицы, встречаются весьма редко. Скорее всего эти формы несут некоторый архаичный оттенок и служат особым стилистическим задачам. Приводим единственный пример такого типа, представленный в части XX-2 нашего основного корпуса:

- (24) Да плюньте вы ему в его соленые рыжики! **Давайте** лучше займемтесь икотой, то есть исследованием пьяной икоты в ее математическом аспекте... (Венедикт Ерофеев).

Данный пример еще примечателен тем, что здесь также употребляется частица *давайте*. Другие примеры таких двойных формирований мы нашли только в текстах второй половины XIX в. у следующих писателей: Лесков, Писемский, Тургенев и Чехов. Интересно отметить, что у Тургенева из 4 случаев употребления частицы *давайте* два относятся именно к этому типу:

- (25) А теперь посторонитесь немножко и **давайте послушаемте** пьесу (“Вешние воды”);
- (26) Подвиньтесь-ка лучше к нам и **давайте поспоримте** о чем-нибудь (“Отцы и дети”).

8 Заключение

На основе данных, приведенных в параграфах 4–7, мы можем заключить, что у большинства рассматриваемых форм побуждения к совместному действию за последние два столетия произошли заметные изменения в употреблении.

Без применения компьютерных корпусов было бы фактически невозможно собрать нужное количество материала, чтобы можно было сделать подобные выводы. Мы надеемся, что нам удалось показать плодотворность данного метода. Несмотря на отмеченные недостатки в существующих компьютерных корпусах русского языка, они, по нашему мнению, могут играть уже весьма значительную роль при исследовании определенных процессов исторического развития языка. Однако в данный момент весь-

ма желательно расширить количество электронных текстов, относящихся к первой половине XIX в.

Мы также надеемся, что приведенный в статье материал способствует лучшему пониманию статуса определенных форм в языке наших дней. Конечно, для получения более полной картины данной области грамматики необходимо тщательно изучить также употребление формально немаркированных форм типа *начнем*. Однако эта задача пока затрудняется ввиду отсутствия достаточно ясных критериев для выделения и классификации соответствующих примеров. Таким образом, например, не вполне ясно, можно ли отнести следующие примеры, или хотя бы некоторые из них, к области побудительности:

- (27) – Как мы его дотащим?
– Ничего. **Свяжем** две трубы проволокой, и получатся носилки, – придумал Андрей (Носов);
- (28) – Теперь все в сборе?
Шура чуть отделил зад от стула: – Все, Виктор Михайлович...
– Тогда **начнем** оперативку, – резко сказал Чебриков, – по пунктам (Незнанский);
- (29) – Ну ладно, – говорит Виктор, – **пойдем**, что ли?
– **Пойдем** (Аксенов);
- (30) Они подошли к ее дому. – **Зайдем, посидим?** (Рыбаков).

Конечно, можно было бы возразить против тех примеров, которые оформлены как вопрос (29 и 30). Однако следует отметить, что иногда вопросительный знак ставится также в примерах, которые имеют формальный показатель побудительности, напр.:

- (31) – **Воротимтесь?** – предложил он. – Это недалеко (Горький);
- (32) А мне скоро будет восемнадцать. **Давай поженимся?** (Аксенов).

В данный момент мы лишь подчеркиваем сложность задачи. Надеемся, что возобновится интерес исследователей к этой важной области грамматики и прагматики русского языка.

Примечания

- 1 Формулировка, данная здесь, соответствует распространенному мнению, что в современном русском языке следует различать две омонимичные формы типа *пойдем*. Мы скорее склонны отнести эти случаи к грамматической полисемии. Т.е. мы считаем, что *пойдем* является одной грамматической формой с расширенным диапазоном употреблений (выражение намерения говорящего может осложняться элементом призыва к адресату). Однако в данной статье мы не будем входить в эти теоретические и терминологические вопросы.
- 2 Поскольку эти частицы отличаются только по категории числа, мы в остальной части статьи будем говорить о них как об одной — частице *давай/те*.
- 3 Обычно указывается еще и на роль фразовой интонации. Хотя она, несомненно, может играть значительную роль при интерпретации данных предложений, мы сильно сомневаемся в том, чтобы интонация во всех случаях достаточно четко различала обсуждаемые значения. (Скептическое отношение к такой роли интонации выражает также А.В. Исаченко (1960: 489).)
- 4 А.В. Исаченко цитирует учебник *Современный русский язык* 1952 года, где указывается, что данные сочетания “не могут считаться нормой литературного языка” (Исаченко 1960: 489). В 50-е годы на уроках русского языка в средних школах употребление данных конструкций считалось погрешностью (личное сообщение Г.А. Золотовой). Интересно отметить, что даже в таком недавно выпущенном престижном издании, как *Русский язык. Энциклопедия*, формы типа *давайте переправимся* игнорируются. Единственные аналитические формы, которые упоминаются, являются сочетаниями частицы *давай/те* с инфинитивом глагола несовершенного вида (*давай говорить, давайте играть*) (Белоусов 1997: 346).
- 5 Не исключено, что в истории функционирования форм типа *пойдемте* наблюдаются определенные особенности в связи с выражением признака “вежливого обращения” и его отличием с указанием обычной множественности. Однако в данной статье мы этот вопрос рассматривать не будем.
- 6 Как известно, в этой функции данный постфикс присоединяется даже к побудительным междометиям: *нате, нуते и полноте*.
- 7 Данные образования впервые зафиксированы в начале XVII в. (Kiparsky 1967: 194). В приведенной Кипарским цитате постфикс *-те* выражает множественность адресата: [...] *да грядемте братцы в яровы веселца [...]*.
- 8 Подробный анализ употребления этой частицы дается в статье (Левонтина 1991).
- 9 Подобное употребление форм прошедшего времени совершенного вида встречается еще и у других глаголов: *начали!* и *взяли!* (о последнем случае см.: Karcevski 1927: 151).
- 10 Подобными критериями руководились создатели тщательно составленного “Упсальского корпуса”, см. описание его в книге (Лёнгрен (ред.) 1993).
- 11 Иногда неравномерная представленность разных авторов связана со значительными различиями в объеме их прозаического творчества. Например: в корпусе представлены почти все прозаические произведения Лермонтова и Гоголя, а объем произведений последнего в три раза больше лермонтовских текстов.
- 12 Указанный объем (6 миллионов словоупотреблений) соответствует примерно 20 тысячам книгопечатных страниц. В среднем на таких страницах встречается минимум 290 словоупотреблений.
- 13 При подсчетах не принимались во внимание случаи эллиптического употребления частицы *давай/те*, напр.: — **Давайте без тостов**, — предложил Слапак, — за все хорошее! (Довлатов). Как своеобразную разновидность эллиптического употребления этой частицы в сфере побуждения к совместному действию можно рассмотреть выражение согласия адресата с подобным предложением: — *Давайте пугало ставить остальным*. — **Давайте**, — обрадовались

все (Носов). И такие случаи остались вне наших подсчетов. Цифры в рубрике частицы *-ка* относятся только к тем случаям, где данная частица является единственным показателем побудительности, т.е. случаи типа *давайте-ка откроем* или *пойдемте-ка* тут не принимались в расчет. Не указаны здесь также весьма редкие случаи сочетания этой частицы с формами типа *пошли* или *поехали*, как в следующем примере: *Знаешь, что? Пошли-ка с ним познакомимся* (Вампилов).

14 Отсутствие данной функции форм *пошли* и *поехали* подтверждается данными “контрольного корпуса” XIX-2, (писатели, представленные в этом корпусе, указаны при схеме 3), в то время как у авторов контрольного корпуса XX-2 отмеченная функция данных форм широко представлена, за исключением Акунина, у которого встречаются только единичные примеры. Известно, что последний автор стремится стилизовать свой язык под язык второй половины XIX в. Он очевидно хорошо осознает, что данное употребление форм типа *пошли*, из-за своего современного характера, для этого не годится.

Следует еще отметить, что в текстах XIX в. изредка встречается употребление формы *пошли* при побуждении, направленном только на адресата, напр.: *Пошли! пошли! Тут вам нет места!* (Гоголь); *Пошли вон, дураки!* (Гоголь).

15 Мы нашли всего один единственный случай сочетания частицы *давай/те* с формами типа *пошли* или *поехали*: *Давай сейчас прямо на завод и поехали!* (Адамов). Из-за его маргинального характера данное сочетание не представлено на схеме.

16 Данные группы по составу различаются тем, что вторая группа содержит только рассказы, а первая группа наряду с ними также четыре пьесы.

17 В данной части корпуса “инхотативное” употребление сочетания с частицей *давай* встречается 14 раз, т.е. почти в три раза чаще, чем употребление сочетания частицы *давай/те* с инфинитивом в значении призыва к совместному действию.

18 Во всем нашем материале мы нашли всего один пример с инфинитивом глагола *быть*: *Вот тут ты абсолютно прав, и чтобы в следующий раз нам было не что и куда уехать, давай быть более убедительными* (Корпус “Русский детектив” – А. Рассказов).

19 Этот пример интересен еще тем, что включение в действие самого говорящего имеет здесь лишь символический, переносный характер, который Бондарко удачно называет “выражением «участливой совокупности»” (Бондарко и Буланин 1967: 143).

20 Соотношения между видовыми вариантами *идемте* и *пойдемте* XX-2 основного корпуса таковы: 14 на 39. Однако у различных авторов они могут сильно варьироваться. Только у двух писателей – Горького и Акунина – форма *идемте* встречается чаще, чем форма *пойдемте*. (О стилистических особенностях последнего писателя см. выше.)

21 Наряду с формами будущего НСВ у Тургенева встречаются семантически близкие им примеры с глаголом *стать* в функции вспомогательного глагола, напр.:

– *Послушайте, сказал он, не будемте больше говорить обо мне; станемте разыгрывать нашу сонату.*

Другая особенность этого автора заключается в употреблении формы *пойдемте* в сочетании с другой формой, содержащей постфикс *-те*, напр.:

Пойдемте посмотримте, как они будут змей пускать [...]

Литература

- Белоусов, В.Н. 1978. ‘Формы 1-го лица множественного числа повелительного наклонения в истории русского языка’, в: *Исследования по исторической морфологии русского языка*. (Отв. ред. Р.И. Аванесов). Москва.
- Белоусов, В.Н. 1997. ‘Повелительное наклонение’, в: *Русский язык. Энциклопедия*. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. Москва, 346-347.

- Бондарко, А.В. и А.А. Буланин. 1967. *Русский глагол*. Ленинград.
- Гвоздев, А.Н. 1952. *Очерки по стилистике русского языка*. Москва.
- Исаченко, А.В. 1957. 'К вопросу об императиве в русском языке', в: *Русский язык в школе*.
- Исаченко, А.В. 1960. *Грамматический строй русского языка. Морфология II*. Братислава.
- Левонтина, И.Б. 1991. 'Словарные статьи частицы -ка и существительного *месяц*', в: *Семиотика и информатика*. Выпуск 32, 136-142.
- Лённгрен, Л. (ред.) 1993. *Частотный словарь современного русского языка*. Uppsala.
- Храковский, В.С. 1990. 'Повелительность', в: *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. (Отв. ред. А.В. Бондарко), 185-238.
- Храковский, В.С. и А.П. Володин. 1986. *Семантика и типология императива. Русский императив*. Ленинград.
- Karcevski, S. 1927. *Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique*. Prague.
- Kiparsky, V. 1967. *Russische historische Grammatik. Band II*. Heidelberg.

Приложение

Список авторов, входящих в "Основной сравнительный корпус", с указанием объема их текстов в процентах данной части корпуса.

XIX-1 (1458 тысяч словоупотреблений):

Гоголь Н.В. (22.78), Нарезный В.Т. (12.66), Бестужев А.А. (11.90), Загоскин М.Н. (9.37), Пушкин А.С. (7.33), Лермонтов М.Ю. (7.02), Дурова Н.А. (5.70), Погорельский А. (3.59), Давыдов Д.В. (3.09), Глинка С.Н. (2.07), Глинка Ф.Н. (2.03), Одоевский В.Ф. (1.47), Вельтман А.Ф. (1.39), Погодин М.Н. (1.34), Павлов Н.Ф. (1.27), Ган Е.А. (1.05), Сомов О.М. (1.02), Аксаков К.С. (0.82), Мельгунов Н.А. (0.69), Сенковский О.И. (0.69), Аксаков С.Т. (0.64), Карамзин Н.М. (0.63), Титов В.П. (0.53), Лажечников И.И. (0.36), Киреевский И.В. (0.27), Баратынский Е.А. (0.26).

XIX-2 (1453 тысяч словоупотреблений):

Достоевский Ф.М. (11.23), Тургенев И.С. (10.37), Гончаров И.А. (10.27), Салтыков-Щедрин М.Е. (10.21), Лесков Н.С. (10.09), Толстой А.Н. (9.91), Чернышевский Н.Г. (9.85), Чехов А.П. (8.08), Писемский А.Ф. (7.80), Данилевский Г.П. (4.64), Куприн А.И. (4.21), Соловьев В.С. (1.85), Гаршин В.М. (0.93), Апухтин А.Н. (0.55).

XX-1 (1455 тысяч словоупотреблений):

Бунин И. (12.14), Ильф И. и Е. Петров (11.75), Горький М. (10.38), Пастернак Б. (9.98), Леонов Л. (8.88), Булгаков М. (7.82), Иванов В. (5.54), Эренбург. И. (4.90), Толстой А. (4.28), Олеша Ю. (3.64), Агеев М. (3.51), Замятин Е. (3.21), Шагинян М. (2.91), Шварц Е. (2.33), Гайдар А. (2.27), Андреев Л. (1.43), Зощенко М. (1.00), Аверченко А. (0.86), Бабель И. (0.76), Иванов Г. (0.50), Шолохов М. (0.50), Чаянов А. (0.49), Гумилев Н. (0.30), Грин А. (0.26), Инбер В. (0.25).

XX-2 (1455 тысяч словоупотреблений):

Семенов Ю. (5.39), Конецкий В. (5.10), Пиккуль В. (4.69), Мандельштам Н. (4.68), Маринина А. (4.56), Алешковский Ю. (4.24), Вишневская Г. (4.21), Рыбаков А. (4.19), Кукаркин Е. (3.98), Шаламов В. (3.73), Аксенов В. (3.33), Белов В. (3.20), Искандер Ф. (2.96), Трифонов Ю. (2.85), Носов Н. (2.82), Айтматов Ч. (2.68), Незнанский Ф. и Э. Тополь (2.55), Довлатов С. (2.53), Некрасов А. (2.48), Ерофеев В. (2.46), Солженицын А. (2.37), Струтацкие А. и В. (2.35), Кунин В. (2.12), Сорокин В. (2.02), Жванецкий М. (2.02), Войнович В. (2.01),

Петрушевская Л. (1.95), Веллер М. (1.94), Успенский Л. (1.58), Шмелев И. (1.15), Вампилов А. (1.11), Козлов С. (1.04), Аржак Н. (0.77), Высоцкий В. (0.76), Незнанский Ф. (0.69), Маканин В. (0.58), Токарева В. (0.56), Терц А. (0.40), Попов Е. (0.23), Паустовский К. (0.23), Антонов С. (0.21), Лаптев Ю. (0.18), Никитин С. (0.17), Рождественский Р. (0.16), Нагибин Ю. (0.14), Урусов А. (0.12), Битов А. (0.12), Тарасенкова Н. (0.10), Пелевин В. (0.10), Казаков Ю. (0.10), Кошко А. (0.06), Шукшин В. (0.04).

Список авторов, входящих в корпус “Русский детектив”.

Чингиз Абдулаев, Аркадий Адамов, Сергей Алексеев, Владимир Бацалев, Марианна Баконина, Михаил Березин, Леонид Бобров, Владимир Богомолов, Виктор Доценко, Николай Федотов, Гривадий Горпожакс, Александр Хабаров, Николай Иванов, Марина Юденич, Данил Корецкий, Лев Кожевников, Владимир Лавришко, Николай Леонов, Юрий Дольд-Михайлик, Елизавета Михайличенко и Юрий Несис, Керен Певзнер, Татьяна Полякова, Александр Рассказов, Алексей Рыбин, Евгений Сартинов, Юлиан Семенов, Андрей Таманцев, Варткес Тевекелян, Владимир Угрюмов, Аркадий и Георгий Вайнеры.